

ЛЕКЦИИ ПО КОГНИТИВНЫМ НАУКАМ
Выпуск 2

Редактор Соловьев В.Д.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
Лайра Янда

Казань
«ИАС»
2000

Лаура Янда

Л28 Когнитивная лингвистика: Лекции по когнитивным наукам. Выпуск 2/Под редакцией В.Д. Соловьева. - Казань, 2000. - 40 с.

Серия "Лекции по когнитивным наукам" включает учебные лекции и обзоры по различным разделам когнитивных наук. "Лекции" могут быть использованы в учебных курсах в вузах.

Автор второго выпуска - профессор Университета Северной Каролины (США), директор Института славистики Лаура Янда. Лекция является введением в когнитивную лингвистику - так, как она трактуется на Западе. Значительное внимание уделяется исследованию славянских языков. Содержит исчерпывающую библиографию по данному предмету.

Публикация этого выпуска осуществлена в рамках издания трудов школы по компьютерной и когнитивной лингвистике (Казань, 2000 г.) при финансовой поддержке Федерального целевого программы "Интеграция" (проект 242 направления 1.6).

УДК 800/801
ББК 81.2-5

© Лаура Янда, 2000

1.0 История

Когнитивная лингвистика (КЛ) зародилась в 80-ых годах как дисидентское движение в Америке, где в то время господствовала лингвистическая теория Хомского. Сначала КЛ не пользовалась популярностью у многих лингвистов. Доклады о КЛ не принимались для чтения на съездах Лингвистического общества Америки, издательства отказывались публиковать монографии, когнитивисты не получали грантов и некоторые даже ушли из университетов. Но все-таки это движение, которое началось как союз интуитивного анализа языка (Бруман, Линдер, Касад) с серьезными лингвистическими концепциями (Якофф, Джонсон, Лангафр), в течение одного десятилетия выросло в международную организацию со своим журналом и серией монографий. Сегодня в Международной ассоциации когнитивной лингвистики (ISLA) состоит около полутысячи ученых.

2.0 Связь с другими дисциплинами

Первый толчок развитию КЛ дала психология, особенно работы Э. Рози, (Rosh 1973a, 1973b, 1978), которая исследовала природу человеческой категоризации. На протяжении всей короткой истории КЛ вели живой диалог с такими дисциплинами, как психология, антропология, нейробиология, кибернетика, искусственный интеллект, философия и литературоведение. Как показывают Юквидла, с которыми представляется этих и других дисциплин выступают на съездах ISLA, выгода, полученные КЛ, подтверждают результаты самых различных научных исследований. Это свидетельствует о том, что КЛ не является изолированным экзотическим направлением, проходящим выдвиг от современной науки. Наоборот, КЛ активно сотрудничает с большой группой своих научных союзников. И хотя это не означает, что КЛ претендует на вклад в теорию психической деятельности человека, а лишь то, что КЛ пытается без излишнего формального аппарата подтвердить анализу все, что является возможным с точки зрения современных теорий психологии (нейробиологии, антропологии, и т.д.). В конце концов, задача лингвистов — отражать в лингвистике то, что ученые в других дисциплинах знают про человеческое познание — когницию, а эта задача важнее, чем любой формальный аппарат, (каким бы он ни был изысканным), который отбрасывает нас от нашей цели.

3.0 Связь с другими теориями и с историей лингвистики

Мною было показано в ряде работ (Ланда 1993b, 1999c; ср. Также Свистаев 1987), что КЛ дает возможность восстановить оборванные нити истории лингвистики и залечить раны, нанесенные лингвистике в XX-ом веке. Это не значит, что КЛ является каким-то теоретическим «шагом назад». Напротив, КЛ использует достижения, накопленные лингвистикой в процессе своей истории, и движется вперед по этому пути. К таким достижениям можно отнести исследования в области взаимосвязи формы и значения, когерентности лингвистической когниции и нелингвистической, утверждение, что язык является непосредственным продуктом мысли, и др. Представляется, что американские слависты приобретут на этом пути союзников. В период холодной войны восточноевропейские лингвисты и, в частности, лингвисты бывшего СССР были зачастую изолированы от теоретических споров, кипевших на Западе, и направляли свою энергию на развитие отечественных традиций. Некоторые семантические теории, появившиеся в этих условиях, поразительно совпадают с КЛ (ср. об этом Рахипина 1998a). В результате КЛ приобретает популярность в России, Польше, Чехии, Македонии и других восточноевропейских странах. Нани коллегия Западной Европе также сразу приняла КЛ этому направлению, и КЛ сейчас хорошо представлена в Англии, Норвегии, Швеции, Германии, Австрии. Вследствие этого КЛ уже служит интеллектуальным местом встречи Востока и Запада, облекая их диалог и сотрудничество.

4.0 Основные понятия

КЛ не возникла из одного направления. У нее нет принципового лидера - «супру», нет общепризнанного формального аппарата. В настоящее время она представляет собою совокупность концепций, предельных и промежуточных целей исследований. На создание КЛ оказали влияние работы таких ученых, как Брунгард, Касади, Крофт, Фоколье, Джонсон, Лакофф, Лангак, Линдер, Снитер, Тахиа, Тутти и Тернер. Однако это направление не стоит на месте. В процессе своего роста КЛ продолжает обогащаться свежими идеями и новыми средствами взаимодействия с другими дисциплинами. То, что пока нет учебника по КЛ или признанного лидера, еще не означает, что она возводится на твердой почве. Существуют основные понятия и цели, которые признаются большинством когнитивистов, как в философии, психологии и других научных дисциплинах, которые с ними сотрудничают. Эти понятия

включили в результате тщательного исследования языковых данных, и они взаимно подтверждают друг друга. Вообще КЛ больше склоняется в сторону фактов, а не теоретических построений и ожидает, что последние могут постепенно уточняться фактами.

Остальные части настоящего раздела посвящены основным понятиям когнитивной лингвистики, которыми являются:

- Лингвистическая познавательная способность, - когниция
- Значение
- Предказуемость,
- Воплощенные значения
- Структура когнитивных категорий
- Ментальные пространства и отображения (вспросы)

4.1 Лингвистическая когниция

Лингвистическая когниция для когнитивиста — это просто когниция; она представляет собой сложное проявление общей познавательной способности человека. У лингвистической когниции нет особого статуса, отличного от любой другой когниции. Это означает, что мы можем ожидать отражение в языке проявлений когниции, изучаемой психологами, нейробиологами и другими специалистами. Кроме того, различные языковые явления не «отличаются друг от друга в когнитивном отношении».

Хотя для лингвиста часто удобно и полезно говорить о различных «уровнях» или «модулях» языка, КЛ рассматривает эти явления как несколько искусственные. В действительности все «части» языка находятся в неразрывной связи, и они в совокупности совсем не «части», а единое явление, действующее в согласии с более объемными явлениями общего сознания и когниции. Например, и морфология, и семантика, и синтаксис — все они влияют на фонологию, а синтаксис также подвержен влиянию фонологии, семантики и прагматики. Все они не являются в строгом смысле дискретными, и КЛ придает их взаимодействию большое значение.

4.2 Значение

Все языковые явления взаимосвязаны как друг с другом, так и с когницией, потому что все они мотивированы одной и той же силой — стремлением осмыслить действительность. Осознание нашего опыта включает не просто понимание, но и способность выразить это понимание. Главным способом выражения — язык, и все языковые средства используются для выражения значения. Значением определяется существование всех лингвистических единиц. Значение

заключено. Не только в лексике, оно проходит по всему лингвистическому спектру, потому что значение — это та энергия, которая приводит в действие мотор языка. С более конкретными значениями лексических единиц взаимодействует система абстрактных значений грамматики. Грамматика и лексика — это не два разных типа значения, а скорее край семантического спектра, содержащего переходные, или гибридные, типы. Такие служебные слова, как предлоги и союзы, могут служить примером гибридных единиц, совмещающих лексическую и грамматическую семантику. От фонологии через морфологию, синтаксис и дискурсивную прагматику весь язык вынужден задачу выражения значения, включая даже идиомы, которые мотивированы в системе лингвистического языка, и эти их мотивации могут быть эксплицитно выражены.

4.3 Предсказуемость

В связи с тем, что точные науки пользуются непреложным авторитетом в нашем обществе, лингвисты тоже хотели бы, чтобы лингвистика считалась точной наукой и чтобы лингвистические результаты можно было предсказывать, как результаты в точных науках. Но лингвистическая реальность сильно отличается от физических явлений. Историческая лингвистика и диалектология доказывают, что одинаковые исходные явления могут привести к разным результатам. Вель в лингвистике контролируются эксперименты невозможны, здесь слишком много переменных, и чистота данных отсутствует. Это, однако, не значит, что лингвистика — область хаоса, и что она не может претендовать на научный характер. КЛ не настаивает на строгом разграничении полей «предсказуемость» и «пронизываемость», «объективность» и «субъективность». Если нельзя точно предсказать какое-либо явление, это не значит, что оно совершенно произвольно, а лишь то, что существует динамика связи между наблюдаемыми фактами и их интерпретациями. КЛ ищет мотивацию в функционировании языковых явлений, признавая, что бывают одинаково мотивированы несколько вариантов, выбор из которых специфичен для данного языка и предсказан заранее быть не может. На абстрактном уровне эти мотивации представляют последовательную модель: все языковые явления значимы, лингвистические категории имеют структуру разлальных категорий, организуясь вокруг прототипа, значение основано на нашем жизненном опыте и развивается путем метафоры, метонимии и контаминации. Изучение мотиваций такого рода заменяет в КЛ поиски «универсалий». Ее

универсалии иного рода: общие мотивации и тенденции в языке. Целью КЛ является понимание того, как познавательная способность, котниция, обуславливают языковые явления, которые должны описываться в терминах тенденций, а не абсолютных правил. КЛ рассматривает человека не как алгоритм, который действует по заданным правилам, а как живое существо, обладающее волей и поведением, которое не всегда предсказуемо, но в целом мотивировано определенными моделями.

4.4 Впитывание значения

Человек может потратить всю жизнь на ведение философских дебатов о природе значения. Хотя в самой КЛ есть разные взгляды на эту проблему, большинство исследователей исходит из принципов, излагаемых ниже.

Значение откуда-то берется. Оно не может существовать как набор символов. Оно не просто заключено в словах (в морфемах или в чем-либо другом). В естественных языках значение нельзя манипулировать по правилам математической логики. Значение имеет другую логику. Оно должно быть впитано. Оно воплощается на основе обобщенного человеческого опыта, что дает возможность понимать понятия, называемые в КЛ «образными схемами», также как визуальные, верхов/вниз, близко/далеко, фигура/фон, несимметричное/вещественное, равновесие, источник — путь — цель, и многие другие. КЛ проследживает нить за нитью семантическую ткань значений, украинскую вышивку метяфор.

Информация из внешнего мира воспринимается нашими органами чувств. Следовательно, язык описывает не сам этот мир, а лишь наше восприятие этого мира. Поэтому при рассмотрении значения наша цель не в том, чтобы установить соответствие между языковыми единицами и миром (реальным или возможным), а изучить те способы, с помощью которых значение мотивируется сенсорными и мыслительными способностями человека.

Люди воспринимают не всю информацию, доступную органам чувств. Значительная часть информации просто игнорируется (иначе наше познание было бы пересажено и не могло бы эффективно действовать). Информация, которая воспринимается и не игнорируется, может анализироваться и истолковываться по-разному не только разными людьми, но и одним человеком в разное время. Это явление называется в КЛ толкованием (concepts), и оно имеет важные лингвистические последствия. Одну и ту же реальную ситуацию можно толковать по-разному, употребляя разные

лингвистические категории (разные виды, падежи, синтаксические структуры). Это вновь подтверждает, что нельзя точно предсказать лингвистические явления, но это также позволяет расширить сферу использования языка по сравнению с той, которая могла бы быть в случае прямого соответствия между восприятием действительности и языковыи выражением.

Должно быть, что значение происходит от избирательного восприятия мира органами чувств и сознанием, имеет ряд следствий. Так, существует огромный (возможно, непреодолимая) пропасть между естественным и искусственным интеллектom. Компьютеры — не живые организмы. Они лишены наших сенсорных и мыслительных способностей, особенно способности толковать и организовывать информацию в радикальных категориях на основе опыта. Следовательно, компьютерам недоступно значение, которое является имплицитом и движителем мышления и языка. Если мы не придумаем, как им открыть этот доступ, компьютеры никогда не смогут мыслить и пользоваться языком по-настоящему.

4.5 Структура когнитивных категорий

Если, как утверждают когнитивисты, лингвистические категории являются когнитивными категориями, то они должны иметь ту же структуру и вести себя так же, как было выявлено в опытах по психологии и нейробиологии. Эмпирические исследования показали, что информанти у человека хранится, извлекается и перерабатывается в категориях особой структуры, не такой как в теории множеств. Множество не имеет структуры, а только границу; когнитивные категории наоборот определяются именно внутренней структурой, хотя у них четко выраженной границы обычно нет. Когнитивные категории имеют радикальную структуру, в центре которой находится прототип и цепи связей с более периферийными представителями категории. Связь периферийного представителя с прототипом не требует общесоциального признака, так как связь может быть опосредованной цепочкой связанных членов, из которых каждая смежная пара имеет общие признаки, но может отсутствовать признак, общий для членов, находящихся на противоположных концах цепочки. В самом деле, невозможно определить множество членов когнитивной категории по дифференциальным и селективным признакам, так как такое определение всегда исключает некоторых представителей данной категории и включает тех, которые не являются ее представителями. Так, определяя «стул» как «предмет, имеющий четыре ножки,

спинку», мы невольно включаем всякие кресла, скамьи, диваны, но исключаем сломянные стулья или те, у которых только три ножки, и т.д. Сложные категории могут иметь много цепочек, расходящихся от прототипа, поэтому их называют «радикальными категориями». Прототип занимает в категории привилегированное положение. Периферийные члены представляют категорию в меньшей степени, чем прототип. Отношение центра-прототипа к периферии нельзя описать в терминах ядро + правая, потому что вся категория просто существует, а не порождается правилами вывода из ядра.

Содержание и структура категорий различается по языкам и даже у разных носителей языка. Структура категории конвенциональна, она может расти и уменьшаться. Категории специфичны для каждого языка. Возьмем, например, английское слово *mother* «мать». Его прототипом является женщина, которая зачала, родила и воспитала ребенка, за отца которого она выплачивает *adorptive mother* приемная мать, *birth mother* мать, родившая ребенка, *surrogate mother* суррогатная мать, *foster mother* кормилица, *genetic mother* генетическая мать, и т.д. Нет ни одного дифференциального и селективного признака, посредством которого можно определить эту категорию. *Birth mother* зачала и родила ребенка, но не воспитывала его; *adorptive mother*, наоборот, воспитывала ребенка, но не родила его; а *stermother* только выпила за мужа за отца ребенка.

Категория английского слова *chair* «стул» служит примером того, что категории бывают специфическими для данного языка. Эти английская категория объединяет две категории на русском языке: *стул* и *кресло*. Специфичный для русского языка семантический континуум занимают русские союзы «и, а, но» — на английском языке тот же самый континуум покрывают только две категории: *and* и *but*.

Важность когнитивных категорий не ограничивается семантической лексикой. Они успешно используются при анализе многих языковых явлений, таких как отношение *авто-/ема*, семантика грамматических морфем, и синтаксис грамматических конструкций, когда некоторые из них являются прототипами, а другие — вариантами прототипов. Радикальная структура когнитивных категорий хорошо объясняет полсеманто, потому что позволяет увидеть единство всей категории при разнообразии ее представителей. Структура когнитивных категорий также объясняет

Маркированность, как результат асимметричности между прототипом и периферией (Landa 1996c). Много было показано в ряде работ (Landa 1993a, 1993c, 1996a, 1998a), что исторические изменения регулируются структурной когнитивных категорий: категории растут и укрупняются именно на периферии.

Прототип любой категории выделен особым образом. Эту выделенность (салиентность) нельзя определить математически, как, например, признак, общий для большинства членов категории. Такая салиентность показывает, как люди обычно взаимодействуют с представляемыми данной категории. Так, источником значения слова «стул» даёт явление характерные движения, которые люди производят, пользуясь прототипическим стулом. То, как человек объективно воспринимает или употребляет данный предмет, гораздо важнее для определения прототипа, чем «объективного» описание. Например, можно было бы объективно определить категорию слова «птица» как животное, у которого есть перья. Но перья не единственный и даже не самый важный фактор во взаимодействии человека и птиц. Наш опыт с птицами включает и то, что они быстро двигаются (чаще всего летают), много свет, поют, строят гнезда и т.д. и т.д. кладут свои яйца, и что птицы и их яйца съедобны. Сегодня очень популярна теория, что птицы и динозавры — животные одного типа. Она основана на открытиях о том, что некоторые динозавры быстро двигались, много ели, и клали яйца в гнезда. Поэтому иногда говорят, что динозавры — птицы, лишённые перьев. При анализе, требующем наличие перьев для включения в категорию птиц, такое определение является оксюморонами. Но наш опыт с птицами даёт нам возможность представить себе динозавров, которые были на самом деле птицами, а не пресмыкающимися (которые кладут яйца, но не считаются птицами, возможно, потому что они быстро не перевытываются, много не едят, редко строят сложные гнезда, и т.д.).

В моду информация не существует в виде дискретных частей, а образует взаимосвязанные сети. Информация не только распределяется по категориям, но сами категории соотносятся друг с другом и участвуют в иерархиях категоризации, содержащих уровни подчинения и превосходства, которые мотивируются структурной радиальной категории. Не обязательно, чтобы каждый представителю данной категории занимал в ней фиксированное место. Один представитель может иметь несколько разных связей с прототипом, и такая избыточность является естественным языковым явлением. Избыточность позволяет исследовать двусмысленность

и переосмысление — семантические явления, которые часто встречаются, но объективно игнорируются в лингвистических теориях.

В дополнение к прототипу многие когнитивисты (особенно Дашвар и его ученики) вводят общую абстрактную схему, которая суммирует всю категорию, и относится ко всем её членам. Это важное понятие изучено пока недостаточно.

4.6 Металгальные пространства и отображения (переносы)

Когниция и использование языка предполагает доступ к металгальным пространствам и оперирование ими. Металгальные пространства возникают при восприятии мира и расширяются в процессе отображений (переносов): метафоры, метонимии, и когнитивными с отображением слов-гибридов («blends»). Все эти процессы ответственны для лингвистического анализа.

Когнитивисты очень широко понимают метафору. Метафора — это любое отображение из одной области (источника) в другую область (цель). Другими словами, когда человек берёт понятие из одной области и применяет его в другой, получаются метафора. Областью источника объективно является человеческое тело в физическом пространстве, в области цели часто бывают время, эмоции, и состояния.

Вольфен, например, понятия «in/out» в английском языке. Если родившись, ребёнок обнаруживает, что его тело является взаимодействием, когда он повторно кладёт предмета в рот и их выпинает. Потом он повторяет эти действия с другими местными (именно для этого есть много игрушек), и даже такой перенос (от местными-тела к местными-другому предмету) уже метафора (коты и очень примагивная). Еще позже ребёнок поймёт, что можно применять понятия in/out в других (непространственных) областях, например, в области времени: getting things done in time, running out of time, emotion: falling in love, falling out of love, и состояния: getting in trouble, getting out of trouble. То, как проявляются метафорические расширения, бывает специфичным для каждого языка, но сам процесс применения метафор универсален.

Не вся информация из области источника используется в области цели. Метафора выбирает только информацию, более салиентную для данного переноса. Например, в английском языке Гнев понимается как огонь (Lakoff 1987: 380-415): His temper is like a rowlet-keg «У него характер как пороховая бочка». She's white-hot with rage «Она вся горит от гнева», I'm flaring «Я зол, во мне тлеет злоба», и т.д., но мы не ожидаем, что можно гнев зажечь спичкой,

или на нем готовить еду, или получить от него золу. Метафорический перенос субъективен — он выливается на первый план некоторые аспекты, а другие скрывает. Метафорический процесс универсален, но невозможно предсказать точно, как он будет протекать в данном языке.

Расширение значения разных лингвистических категорий часто бывает метафорическим (например, значения и грамматические функции надежд и предлогов, вида и других категорий). Иконичность (Iconicity) также метафорическое явление, потому что она берёт параметр из одной области (скажем, количество предметов) и отображает его на другую область (скажем, на число фонем — здесь вместе в виду иконическое отношение между множественным числом и длиной окончания в морфологии русских существительных). Аналогия тоже метафорическое явление, и в обычном смысле, и в лингвистическом (дешифрация из одной парадигмы применяется в другой).

В сферах лингвистических категорий, или, клише, прозаических описаний и ритуалов используются конвенциональные метафоры, существующие для мировоззрения данной культуры и данного языка (в каждой культуре есть системы более или менее взаимосвязанных метафор). Художественная проза, поэзия и шутки используют менее конвенциональные метафоры и даже совершенно новые метафоры. Почти все научные теории основаны на метафорах, и эти метафоры сильно влияют на выводы, которые делаются на основе теории. В основе теории множества лежит понятие in/out т.е. включение/исключение. Современную модель структуры бензола вдохновила иконическая метафора, которая кусает свой хвост. Понимание структуры ядра атома довертелось разным метафорическим представлениям в течение двадцатого столетия — сначала была модель винограда в желе, потом модель солнечной системы, а потом математическая вероятностная модель. Свет мы понимаем, используя то метафору волн, то метафору частиц. Метафора трёхгольника гласных помогает лингвистам понимать, как один гласный может превратиться в другой «соседний» гласный. В области лингвистической семантики различные категории используют метафору нашего опыта с точками и звёзочками цепи. Все эти метафоры весьма полезны, пока мы не забываем, что они метафоры. Метафоры способствуют пониманию и часто приводят к генеральным выводам. Но они могут также стимулировать неправильные выводы, поэтому с ними нужно обращаться осторожно.

Меньше внимания в КЛ уделялось метонимии, хотя она очень распространена в языке. Метонимия имеет место, когда часть заменяет целое или когда нечто, тесно связанное с предметом, заменяет сам предмет (например, автор вместо книги в предложении: Достоевский занимает место в моей библиотеке). Примерами метонимии могут служить все явления эллипсы, усеченная фонологической редукции и нейтрализации. Метонимия обычно используется в разных языках как сведение (редукция) движения по пути либо к стационарному пути, либо только к конечной точке пути. Так, английское слово over «через, над, по» иллюстрирует оба вида редукции. Мы можем представить движение по пути, сказав: Bill walked over the hill «Билл пошёл на холм и спустился с другой стороны». Оно сводится к стационарному пути в предложении: The road goes over the hill «Дорога проходит через холм». Предложения типа Bill lives over the hill «Билл живёт за холмом» акцентируют только конечную точку пути, выражаемую словом over. Два противоположных значения роля падежа (см. ниже) РОДИТЕЛЬНЫЙ: ОТСЫЛКА и РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЕВО возникли в результате метонимической редукции путей к конечным точкам более протоиндоевропейского значения РОДИТЕЛЬНЫЙ: ИСТОЧНИК или РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЬ. В работе по дательному падежу в славянских языках я показал, что метонимия используется для расширения дательного падежа на конструкции без прямого дополнения (Janča 1993a). Есть много глаголов (особенно глаголы, означающие выдачу денег, дарение подарков, передачу сообщений, совершение добродетель: платить, готовить, годиться/мешать), которые означают «дачу» чего-либо подлежащему на основе значения самого глагола, поэтому отпадает необходимость выражать даемый предмет в виде прямого дополнения в минимильном падеже. Пользуясь метонимией, мы знаем, что когда мы платим кому-то, мы даём деньги, когда мы общаемся с кем-то, мы передаём сообщения, когда мы говорим кому-то, мы приносим удовольствие. Такая метонимия мотивирует использование косвенного дополнения и поэтому дательного падежа со многими глаголами, которые в противном случае выглядели бы как произвольный список.

Контаминация в КЛ начала изучаться сравнительно недавно, и о ней написано ещё меньше, чем о метафоре или метонимии. Как и метафора, контаминация связана с двумя областями отношениям отоображения. Однако у контаминации обе области являются областями источника и обе они способствуют созданию трёхств.

совершена новой области. На морфологическом уровне контаминированные слова-гибриды — явление довольно обычное. Они образованы путём скрещения двух основ. Пример морфологического гибрида — слово *мотель* (*Motor+отель*). Контаминация также бывает на уровне лингвистической категории. Историческое развитие окончаний мужского персонального рода из того, что первоначально было морфологией двойственного числа в некоторых славянских языках (польском, словацком, и лужицко-сербском) явилось результатом контаминации, при которой особенностями множественного числа мужского рода, к так называемой «вирилитин» (Janča 1999a). Как метонимия, так и гибридизация заслуживают дальнейшего изучения.

Метафора и метонимия, по-видимому, имеют неврологические аналогии (Schirhland 1987, 1995). Это не значит, что нам известно, как метафора и метонимия действуют на биологическом уровне, но то, что, по крайней мере, они биологически возможны.

5.0 Преимущества когнитивной лингвистики

У КЛ есть ряд преимуществ перед другими лингвистическими направлениями, особенно в отношении круга лингвистических явлений, охватываемых ею, а также потребности исследователя сообщать свои результаты. КЛ обделывает анализ гораздо большего числа лингвистических фактов и результатов исследований более доступны другим учёным как в самой лингвистике, так и за её пределами.

5.1 Когнитивная лингвистика и факты языка

Самое своего зарождения КЛ стала привлекать лингвистов, хорошо знакомых с языковыми фактами и приспосаблившими эмпирические методы. Самые выдающиеся достижения когнитивистов связаны с исследованием множества сложных и на вид противоречивых данных, полученных с помощью знания изучаемых языков. При всей важности теории она мыслится как постепенно возникающая из фактов и постоянно проверяемая ими. Когнитивисты не представляют себе, как можно «упорядочивать» факты для подтверждения теории, чем гордятся представители другого направления. Значит ли это, что можно наследно вписывать факты в рамки заранее построенной теории? А что, если «упрямые» факты не подтвердят теорию? Нужно ли их исключать из рассмотрения? Откуда брались факты? Это были реальные факты,

спонтанно произнесённые носителями языка в естественных условиях, или они были придуманы или специально добыты у говорящих? Такие «упрямые» факты вынуждают нас изменить и дополнять теорию.

Понятия КЛ (особенно идея радиальной категории и метафорического её расширения) особенно полезны при анализе большого количества беспорядочных фактов. КЛ не стремится скрыть или игнорировать «проблемные» факты, потому что её интересует обнаружение внутренних, пусть даже малых, структур, а не поверхностных внешних границ между категориями. Так, русский глагол «завидовать» не похож на другие глаголы, управляющие дательным падежом, но, будучи персеходным типом, он связывает две части семантической категории дат. падежа (Janča 1993c). Употребление падежей само служит примером относительно хаотичного явления, для которого у КЛ есть идеальное решение, когда при проведении убедительного анализа учитываются все варианты. Оно не только обобщает описание данного падежа в данном языке, но делает межязыковые сравнения более лёгкими и наглядными.

Таким образом, КЛ является прекрасным полем для исследования как всего разнообразия используемых речи (все естественные речевые произведения, включая ошибки, аномалии, творчество, поэзию, идиомы, даже смёртные метафоры), так и языковые явления в полном объёме (фонология, морфология, синтаксис и семантика).

5.2 Когнитивная лингвистика и исследование языка

Отсутствие формального аппарата является преимуществом КЛ. Исследования этого направления доступны всем лингвистам. Кроме того, когнитивисты могут сосредоточить больше усилий на сборе и анализе данных, а не на оперировании формальными процедурами теории. С небольшими поправками исследования, выходящие когнитивистами, доступны также представителям других специальностей. Очень важно, что КЛ обделывает использование своих результатов в методике преподавания.

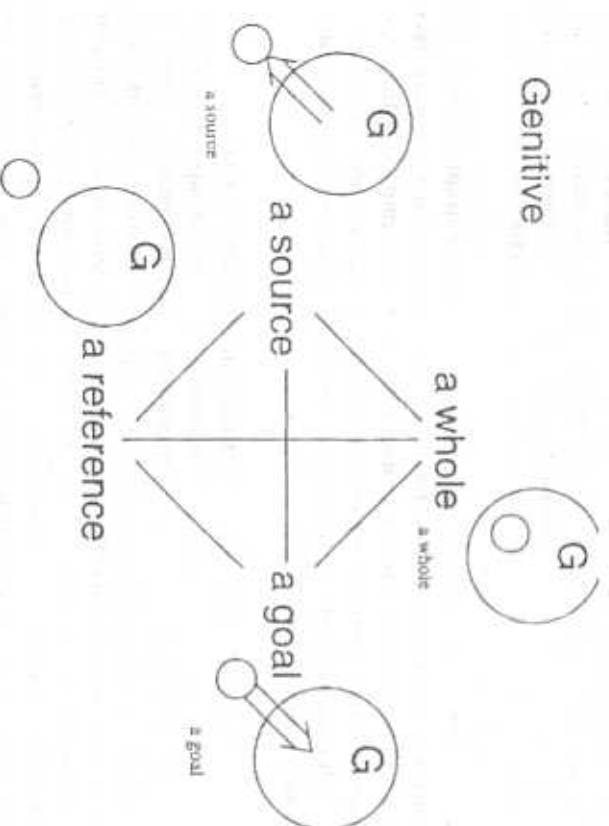
КЛ особенно близка славистам. Как уже говорилось, она вполне совместима с нашими традициями, как прежними (в частности, с работами Романа Якобсона), так и новыми (сп. работы многих современных русистов, особенно Алресьяна, Друтюновой, Кириака, Кобозевой, Крейдлина, Падучевой, Плунгина, и Рахитиной, см. библиографию).

6.0 Краткая демонстрация (родительный падеж)

Ниже на примере краткого анализа род. падежа будут продемонстрировано, как такие понятия, как номинативное значение, радикальная категория и метафорическое расширение могут использоваться лингвистами.

Родительный падеж является общим явлением для языков разных типологий. Термин «родительный» указывает, что языки старшего объединения в одной группе обладают присубстантивными отношениями и дополнения к некоторым глаголам (Blake 1994:151). Объем и динамика родительного падежа в конкретном языке, конечно, уникальны. Я воспользуюсь принципиальной для понимания семантической сцены, содержащей всего четыре угла, однако, достаточно объемной, чтобы объяснить все разнообразие языковых фактов.

Посмотрим сначала на радикальную категорию родительного падежа. Значения родительного падежа образуют четыре члена этой категории: РОДИТЕЛЬНЫЙ:: ИСТОЧНИК (source; prototype), РОДИТЕЛЬНЫЙ:: ЦЕЛЬ (goal), РОДИТЕЛЬНЫЙ:: ЦЕЛОЕ

(whole) и РОДИТЕЛЬНЫЙ:: ОТСЫЛКА (reference). Эти четыре архаика указывают на основное значение родительного падежа и то, почему так трудно понять его. Когда мы говорим, что что-то исходит из источника, мы обычно менее интересуемся источником, чем тем, что из него исходит. То же относится и к цели. Хотя цель и важна, нас больше интересует лицо или предмет, которые к ней стремятся. При использовании значения РОДИТЕЛЬНЫЙ:: ЦЕЛОЕ исхода есть нечто другое, которое играет роль «части», и, конечно, говоря о части целого, мы обращаем больше внимания на часть, чем на целое. Мы пользуемся отсылкой для определения места чего-то другого, употребляя РОДИТЕЛЬНЫЙ:: ОТСЫЛКА. Родительный падеж служит здесь метатальным адресом других предметов. Родительный падеж отвлекает наше внимание, не позволяя сосредоточить его на том, что он обозначает. Именно об этой отсылке на задний план объясняет, почему так трудно за него ухватиться.

Для когнитивистов трудно установить звенья, объединяющие эту категорию. Источник и цель представляют то же отношение траектора, траектории и точки отсчета, изменяется лишь направление траектории. Целое и отсылка представляют две конечные точки траектории ИСТОЧНИК/ЦЕЛЬ. Редукция траектории до своей конечной точки — очень знакомое явление в котинии (ср. метонимию в 4.6). В обобщенном виде мы можем сказать, что все употребление родительного падежа соответствуют следующему определению: Родительный падеж это сущность, находящаяся на заднем плане (большой круг), которая сосредотачивает внимание на чем-то другом (малый круг), что расположено или движется поблизости от нее.

В когнитивном отношении родительный падеж принадлежит другому предмету или более выделен, чем он, но уступает эту выделенность траектору. Представляется, что его абстрактная схема основана на опыте человека с местностями, движением по пути и относительноым расстоянием.

Далее приводится описание специфических частных значений, являющихся членами категории родительного падежа. Опуская подробности, я предлагаю лишь небольшую иллюстрацию таких явлений, как выходящие из слова (главным образом, предлоги и глаголы), и метафорические расширения значений родительного падежа. Примеры из большой выборки встретившихся в литературе предложений иллюстрируют некоторые употребления род. падежа (более подробно см. Janda, готовится к печати).

6.1 РОДИТЕЛЬНЫЙ: ИСТОЧНИК

Описание диаграммы: Один предмет (малый круг) отходит от другого, обозначенного как РОДИТЕЛЬНЫЙ: ИСТОЧНИК (большой круг G). РОДИТЕЛЬНЫЙ: ИСТОЧНИК всегда связан со значением исхода из чего-либо (мотивированных метафорическое расширение до причинной обусловленности) и изъятия. Исходное значение выражается разными предлогами, означающими исход или причину (от, с, из, - пример 1) и глаголами со значением улаzenia, многие из которых предполагают метафорическое расширение из области пространственных отношений в область эмоций (боятся, пугаться, избегать, дышится, стесняться, стыдиться, пугиваться, сторониться, остерегаться — пример 2)

- (1) На стульях и кровати лежали вещи, вынутые из сумки.
- (2) Они совершенно не стеснялись присутствия людей.

6.2 РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЬ

Описание диаграммы: Один предмет (малый круг) доходит до другого, обозначенного как РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЬ (большой круг G).

РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЬ является в сущности зеркальным отображением исходного значения, но с большим числом отступков, особенно при употреблении глаголами. РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЬ сочетается с предлогами, означающими "приближение" в пространстве или во времени; метафорическое расширение "приближения" в область цели, а также "прикосновение" с метафорическим расширением в область интеллекта (до, для, ради, против, касательно, относительно — пример 3). Когда понятие "приближение" расширяется в область нравственности/аспект, оно мотивирует употребление родительного падежа с прилагательным достоинств.

(3) Ступеньки моего вагона не доходят до земли. Употребление производного значения РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЬ с глаголами зависит от значения глаголов и ошущаемой определенности того, к чему приближаются. Род. падеж обязательно с глаголами, предполагающими определенные предметы (добиваться, достигать, заслуживать, желать, стоять, касаться, держаться, случаться и др. — пример 4). С глаголами, не сопровождаемыми этого условия (искать, просить, ждать, ожидать, требовать, хотеть и др. — пример 5), решение об определенности предмета зависит от толкования говорящего. Так, если мыслится определенный предмет, он формулируется вин. падежом, в то время как неопределенные предметы

формулируются как РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛЬ. Например, автобус, ожидаемый кем-либо, скажем, Борисом, может быть оформлен либо как родительный, либо как родительный падеж. Употребление родительного падежа означает, что Борис ожидает определенного автобуса, а родительный падеж означает, что Борис просто хочет ехать, любым автобусом.

- (4) Как вы достигли такого нравственного совершенства?
- (5) Жизнь, которую мы ведем, требовала значительных расходов.

6.3 РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛОЕ

Описание диаграммы: Один предмет (малый круг) составляет часть другого, обозначенного как РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛОЕ (большой круг G).

РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛОЕ объединяет присущивающее, притяжательное и количественное значения. Сюда относятся отношения часть/целое, притяжательность (пример 6), членство в категории (пример 7), и различные отношения владения, мотивированные типичным событием, имеющим место между агентом, пациентом и действием. Род. падеж обнаруживает вселишь возможных сочетаний агента, пациента и действия. Пример 8 иллюстрирует принадлежность действия (издания) пациенту (следобым детским книгам).

- (6) Не повторите ошибку президента.
  - (7) Надеюсь, ты выразишь человекском большой души.
  - (8) Он планировал издание следобым детских книг.
- Есть три предлога, требующие родительного падежа (среды, посредни и внутри), а также 50 предложных сочетаний (например, в адрес, в виде, в качестве - пример 10), которые употребляются как сложные предлоги.

(9) В первом среди участников начали циркулировать документы.

(10) Впервые в качестве полноправных участников международного соглашения выступили пятнадцать бывших советских республик.

Количественный смысл может вызываться числительными и другими квантификаторами (пример 11), или может появляться без квантификатора, означая тогда «некоторое количество» (пример 12). Кроме того, РОДИТЕЛЬНЫЙ: ЦЕЛОЕ выражается рядом слов, описывающих владение или манипуляцию каким-либо количеством (достаток/достаточно, непотребный, исполняться, набираться,

наклеться, погнать, прибавлять(ся), убавлять(ся), хватать — пример 13).

- (11) Я опоздала на пятнадцать минут.
- (12) Я вышел чаю, который заказал по телефону.
- (13) Он набрался храбрости и спросил: почему?

6.4 РОДИТЕЛЬНЫЕ: ОТСЫЛКА

Описание диаграмм: Один предмет (малый круг) находится рядом с другим, обозначенного как РОДИТЕЛЬНЫЕ: ОТСЫЛКА (большой круг С).

РОДИТЕЛЬНЫЕ: ОТСЫЛКА устанавливает место предмета относительно родительного падежа, который отсылает к различным объектам. Самое обычное употребление такого родительного падежа иллюстрирует дата (пример 14). Кроме того, есть более двашати предлогов, локализующих предметы относительно такого родительного падежа в областях времени, пространства, сходства и индифферентных понятий (бет, битт, области*, виду*, вдоль*, попере*, после, прежде, сверху*, у; заедочкой отмечены бывшие предложные сочетания, первоначально мотивированные смыслом РОДИТЕЛЬНЫЕ: ЦЕЛОЕ). Предлог у (пример 15) даёт многочисленные расширения, перевая, кроме пространственной локализации, ещё значения обладания и каузальности.

(14) Восьмого августа 1927 г. М. Цветаева писала своей знакомой С. Н. Андреевской-Гальперн.

(15) У дери сидит мисе Фиттинс и вяжет.

РОДИТЕЛЬНЫЕ: ОТСЫЛКА может также сигнализировать отделение, интерпретируемое как отрицание (не обязательно существования чего-либо, а его восприятия — пример 16).

(16) В то же время в частном секторе никаких заботовок не было.

Ряд слов вызывают отрицательное толкование смысла РОДИТЕЛЬНЫЕ: ОТСЫЛКА (среди них дефинит, липпять(ся), недоставать, недоставок, нехватка — пример 17).

(17) Обычная наша жизнь была лишена всей этой роскоши, казавшейся театральной, предназначенной исключительно для счастливой минуты.

Расстояние отделения при смысле РОДИТЕЛЬНЫЕ: ОТСЫЛКА может даже интерпретироваться как дифференциация на шкале сравнения, мотивируя употребление сравнительной степени с родительным падежом — пример 18).

(18) Общее дело должно быть выше частных интересов.

7.0 Направления работы в будущем

На состоявшемся летом 1999 г. съезде ICSDA были намечены направления, по которым будет развиваться КЛ. В своем докладе С. Кеммер перечислила такие направления. Одно из них — изучение социолингвистических вариантов (описание прототипических изменений в фонологии, морфологии, синтаксисе и лексике разных жанров и стилей; в разговорном и литературном языке, в диалектах и т.п.). Другим направлением является изучение двуязычия и языковых контактов, например, влияния немецкого языка на постсоветские или русского языка на другие славянские языки, неогляданный всплеск влияния английского языка на многие языки и т. д. Бескрайнее количество открываются и для исследования исторической лингвистики (развитие семантики драматических категорий, эволюция фонологических систем, синтаксических структур и т.д.). Была отмечена возможность приложения понятий КЛ к исследованию по усвоению второго языка и методики обучения языкам, а также проблемы перевода и лексикографии, общественной психологии, в частности, изучение значения названий (несмотря на традиционное утверждение, что названия не имеют значения). Как было отмечено в докладе Кеммер, названия обычно соответствуют фонетическим схемам, как и формальным схемам, связанным с национальной принадлежностью, тоном и другими переменными (например, в английском языке есть тенденция к постепенному превращению мужских имен в женские и к называнию детей обоях тоном фамильными именами). Перспективным направлением является исследование того, как синтаксис сводится к семантике (Б. Крофт). Для когнитивной-сталистов и синтаксис, и фонология - довольно неисследованные области, не говоря уже об анализе речи, на который мало обращалось внимание славистами разных школ.

Короче говоря, КЛ в будущем будет развиваться в различных направлениях, и слависты смогут внести ценный вклад в её развитие.

8.0 Вместо заключения

Представляется, что все теоретические направления, включая и КЛ, построены на метафорических моделях, и все метафорические модели что-то верно описывают и ставят некоторые вопросы, но оставляют в тени другие истинны и другие вопросы. Ни одно направление не может разрешить все проблемы. Некоторые направления лучше других отвечают на данные вопросы. КЛ может успешно использоваться для решения ряда интересующих меня

проблем: о грамматическом значении, полноте и историческим именениям. Но, в конечном счете, любое направление закрывает глаза на другие возможности исследования. Без обращения к другим теориям мы рискуем оказаться в положении трёх слепых из известной притчи, когда, постречая слона, один из них, который ухватился за ухо, заявляет, что слон подобен куску кожи, другой, ощутив бок слона, говорит, что слон похож на стену, а третий, держа за хвост, утверждает, что слон напоминает веревку. У этих слепых нет общей базы для обсуждения. КЛ предлагает лишь один подход к лингвистическим исследованиям. Возможно, в будущем ученые разных школ станут признавать работу других направлений и поддерживать друг друга.

Русский текст подготовлен с помощью Георгия Рубинштейна.

9.0 Библиография

9.1 Классические тексты когнитивной лингвистики

- Casas, Eugene, ed. 1996. *Cognitive Linguistics in the Redwoods*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Coleman, Linda and Paul Kay. 1981. «Prototype semantics: The English verb *lie*». *Language* 57, 26-44.
- Croft, William. 1993. «The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies» *Cognitive Linguistics* 4, 335-370.
- Croft, William, forthcoming. «Some Contributions of Typology to Cognitive Linguistics, and Vice Versa» in Theo Janssen and Gisela Redeker, eds. *Foundations and Scope of Cognitive Linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- de Stadler, Leon and Christoph Eylich, eds. *Issues in Cognitive Linguistics*. 1999. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Dirven, René and Marjolijn Verspoor. 1998. *Cognitive Exploration of Language and Linguistics* (= Cognitive Linguistics in Practice, Vol. 1). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Fauconnier, Gilles. 1985. *Mental Spaces*. Cambridge/London: MIT Press.
- Geeraerts, Dirk. 1987. «Cognitive Grammar and the History of Lexical Semantics» in Brygida Rudzka-Ostyn, ed. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 647-678.
- Goldberg, Adele, ed. 1996. *Conceptual Structure, Discourse and Language*. Stanford: CSLI Publications.
- Goossens, Louis. 1990. «Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action» *Cognitive Linguistics* 1, 323-340.
- Johnson, Mark. 1987. *The Body in the Mind*. Chicago/London: U of Chicago Press.

Kövecses, Zoltán and Günter Radden. 1998. «Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View» *Cognitive Linguistics* 9, 37-77.

Lakoff, George. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago/London: U of Chicago Press.

Langacker, Ronald W. 1987. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. *Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford U Press.

Langacker, Ronald W. 1990. «Subjectification», *Cognitive Linguistics* 1, 5-38.

Langacker, Ronald W. 1991. *Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Langacker, Ronald W. 1991. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. II. *Descriptive Application*. Stanford: Stanford U Press.

Lindner, Susan. 1981. *A lexico-semantic analysis of verb-particle constructions with UP and OUT*. Doctoral dissertation, UC San Diego.

Mervis, Carolyn and Rosch, Eleanor. 1981. «Categorization of Natural Objects», *Annual Review of Psychology* 32, 89-115.

Reddy, Michael. 1979. «The conduit metaphor», *Metaphor and thought*, ed. by A. Ortony. Cambridge, 284-324.

Rosch, Eleanor. 1973a. «Natural Categories», *Cognitive psychology* 4, 328-350.

Rosch, Eleanor. 1973b. «On the internal structure of perceptual and semantic categories», *Cognitive development and the acquisition of language*, ed. by T. E. Moore. New York, 111-144.

Rosch, Eleanor. 1978. «Principles of categorization», *Cognition and categorization*, ed. by E. Rosch and B. B. Lloyd. Hillsdale, 27-48.

Rudzka-Ostyn, Brygida, ed. 1988. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Sweetser, Eve E. 1990. *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge U. Press.

Talmy, Leonard. 1988. «Force dynamics in language and cognition», *Cognitive science* 12, 49-100.

Talmy, Leonard. 1996. «Fictive Motion in Language and "Ception"», *Language and Space* ed. by Paul Bloom et al. Cambridge/London: MIT Press.

Tuggy, David. 1993. «Ambiguity, polysemy, and vagueness», *Cognitive linguistics* 4, 273-290.

Ungerer, Friedrich and Hans-Jörg Schmid. 1996. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London/New York: Longman.

Wierzbicka, Anna. 1980. *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language*. Sydney/New York: Academic Press.

- 9.2 Континентная лингвистика на материале славянских языков
 Anstatt, Tanja. 1996a. «Zeit. Motivierungen und Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slavischen und anderen Sprachen». *Specimina Philologiae Slavicae* Supplementband 43. Hamburger Arbeiten zur slavistischen Linguistik 1.
- Anstatt, Tanja. 1996b. «Interaktion von aktionalen Verbfunktionen und semantischen Kasus der Aktanten am Beispiel russischer Transitiva» in *Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland und Österreich* (Specimina Philologiae Slavicae, Supplementband 51), ed. by Franz Schindler. 7-28.
- Anstatt, Tanja. 1997. «Polnische Deonyme: Vom Nomen Proprum zum Appellativum» in *Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland und Österreich* (Specimina Philologiae Slavicae, Supplementband 58), ed. by Jana Schuize and Eduard Werner. 7-33.
- Anstatt, Tanja. 1998. «Verben der Bewegung und Zielaktanten im Altrussischen» in *Slavistische Linguistik 1997* (=Slavistische Beiträge 375), ed. by Tilman Berger and Jochen Raeeke. 9-28.
- Anstatt, Tanja. 1999. «Die Entwicklung von Verb-Aktanten-Kombinationen vom Alt- zum Neurussischen» in *Entwicklungen in slavischen Sprachen* (=Specimina Philologiae Slavicae 66, Hamburger Arbeiten zur slavistischen Linguistik 7), ed. by Tanja Anstatt. 7-40.
- Aprėsjan, Ju.D. 1986. «Deksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira» *Semiotika i informatika* 28.
- Aprėsjan, Ju.D. 1995a. «Obraz čeloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija» *Toprosy jazykoznanija* 1, 37-67.
- Aprėsjan, Ju.D. 1995b. *Izbrannye trudy. 1. 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.
- Aprėsjan, Ju.D. and V. Ju. Aprėsjan. 1993. «Metafora v semantickom predstavlenii emocij» *Toprosy jazykoznanija* 3, 27-35.
- Arjununova Nina D. 1997. «Vremja: modeli i metafory» in Nina D. Arjununova and T.E. Yanko, eds. *Logičeskij analiz jazyka: Jazyk i vremja*. Moscow: Indrik. 51-61.
- Arjununova, Nina D. 1998. *Jazyk i mir čeloveka*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.
- Baranov, A. N., Vladimir A. Plungian, and Ekaterina V. Rakhilina. 1993. *Polevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka*. Moscow: Pomovskij i partnery.
- Bartsch, Agnieszka. 1996. *Imagination in Grammar: The Function of Metaphor in Selected Theories of Grammar and their Translation*. Jagiellonian University of Krakow MA Thesis.
- Bergel'son, M. B. 1998. «Sostojanie liča v russkom jazyke» in

- Jazyk afrika jult'be*, ed. By V. F. Vydin and Aleksandr A. Kibrik. St. Petersburg & Moscow: Evropejskij dom, 53-66.
- Bergel'son, M. B. 1999. «Kognitivnye mexanizmy čerez prizmu praktičeskogo ovladenija jazykom» *Vestnik MGU. Serija 19. Lingvistika i mežkul'turnaja kommunikacija*, 36-53.
- Biel, Lucja. 1998. *Cognitive Analysis of Distance in Language. A Case Study of Kazuo Ishiguro's The Remains of the Day and its Polish Translation (U schyłku dnia by Jan Rybicki)*. Jagiellonian University of Krakow MA Thesis.
- Bulygina, T. V. and A. D. Smelev. 1997. *Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki)*. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury.
- Černeško, Ljudmila O. 1997. *Lingvo-filozofskij analiz abstraktnogo iment*. Moscow: MGU.
- Cienki, Alan. 1989. *Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish, and Russian* (Slavistische Beiträge 237). Munich: Sagner.
- Cienki, Alan. 1992. «A Cognitive Semantic Approach to Russian and Polish Causal Constructions», in *For Henry Kucera: Essays in Slavic Philology and Computational Linguistics*, ed. by Andrew Mackie, Tanya McAuley, and Cynthia Simmons. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 73-93.
- Cienki, Alan. 1993. «Experiencers, Possessors, and Overlap Between Russian Dative and u + Genitive», *Proceedings of the Nineteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 76-89.
- Cienki, Alan. 1995a. «19th and 20th Century Theories of Case: A Comparison of Localist and Cognitive Approaches» *Historiographia Linguistica* 22, 123-162.
- Cienki, Alan. 1995b. «The Semantics of Possessive and Spatial Constructions in Russian and Bulgarian: A Comparative Analysis in Cognitive Grammar» *Slavic and East European Journal* 39, 73-114.
- Cienki, Alan. 1996. «Sovremennye kognitivnye podходы k semantike: sxodstva i različija v teorijax i čeljax» *Toprosy Jazykoznanija* 2, 68-78.
- Cienki, Alan. 1997. «Semantika v kognitivnoj lingvistike», in *Fundamentalnye napravlenija sovremennoj amerikanskoj lingvistiki*, ed. by Andrej A. Kibrik, Irina M. Kobozeva, and Irina A. Sekerina. Moscow: MGU, 340-369.
- Cienki, Alan. 1998a. «Slavic Roots for Straight and Bent: Experimental Gestalts, Conceptual Metaphors, and Cultural Models as

- Factors in Semantic Change», in *American Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists*, ed. by Alan Timberlake. Bloomington, IN: Slavica, 298-313.
- Cienki, Alan. 1998b. «STRAIGHT: An Image Schema and its Metaphorical Extensions», *Cognitive Linguistics* 9, 107-149.
- Cienki, Alan. 1999a. «Metaphors and Cultural Models as Profiles and Bases», in *Metaphor in Cognitive Linguistics*, ed. by Ray Gibbs and Gerard Steen. Amsterdam: John Benjamins, 189-203.
- Cienki, Alan. 1999b. «The Strengths and Weaknesses of the Left/Right Polarity in Russian: Diachronic and Synchronic Semantic Analyses» in *Contributions in Cognitive Linguistics: Papers Read at the Third International Cognitive Linguistics Conference, Belgium*, ed. by Leon de Stadler. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 299-329.
- Clancy, Steven J. 1998. *Haves and Have-nots: A Look at the Relationship between HAVE and BE in Russian*. UNC-CH MA Thesis.
- Clancy, Steven J. forthcoming. *The Chain of BEING and HAVING in Slavic*. UNC-CH PhD Dissertation.
- Dąbrowska, Ewa. 1987. *The Semantics of Case*. University of Gdansk MA Thesis.
- Dąbrowska, Ewa. 1991. «The Case for Case Resurrected» *Linguistica Silesiana* 13, 7-37.
- Dąbrowska, Ewa. 1992a. «O tak zwanym datiwie konwencjonalnym, czyli o znaczeniu form pozbawionych znaczenia» *Poradnik Językowy* 9-10, 643-651.
- Dąbrowska, Ewa. 1992b. «Potoczność w służbie semantyki — językowy model relacji przestrzennych w piśmie» *Język a kultura* 5, Potoczność w języku i kulturze. Uniwersytet Wrocławski, Wrocław.
- Dąbrowska, Ewa. 1993. «O językowej idealizacji świata» *Bulletin de la Societe Polonaise de Linguistique* XLIX, 35-42.
- Dąbrowska, Ewa. 1994a. «Nominative and Dative Experiences: Two Folk Theories of the Mind» *Linguistics* 32, 1029-1054.
- Dąbrowska, Ewa. 1994b. «Some English Equivalents of Polish Dative Constructions» *Papers and Studies in Contrastive Linguistics* 29, 105-121.
- Dąbrowska, Ewa. 1994c. «Radial Categories in Grammar: The Polish Instrumental Case» *Linguistica Silesiana* 15.
- Dąbrowska, Ewa. 1995a. «How to talk about bodily experience: The role of construal in determining the choice of case category» in *A Celebration of Donald Prie's Contribution to Polish Studies*, ed. by Rosemary Hunt and Ursula Phillips. Nottingham: Astra Press, 23-35.
- Dąbrowska, Ewa. 1995b. *The Semantics of the Polish Dative*.

University of Gdansk PhD Dissertation.

- Dąbrowska, Ewa. 1996. «The linguistic structuring of events: A study of Polish perfectivizing prefixes» in *The Construal of Space in Language and Thought*, ed. By Rene Dirven and Martin Putz, Berlin: Mouton de Gruyter, 467-490.
- Dąbrowska, Ewa. 1997. *Cognitive Semantics and the Polish Dative*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Danaher, David S. 1995. *The Expression of Habituality in Czech*. Brown University PhD Dissertation.
- Danaher, David S. 1996. «A Semiotic Approach to the Semantics of Czech Habitual Verbs», *Slavic and East European Journal* 40, 118-33.
- Danaher, David S. 1998a. «The Function of Pain in Tolstoy's The Death of Ivan Ilich» *Tolstoy Studies Journal* 10, 20-8.
- Danaher, David S. 1998b. «Peirce's Semiotic and Conceptual Metaphor Theory», *Semiotica* 119, 171-207.
- Danaher, David S. 1999. «Iteration and the Peircean Habit», in *The Peirce Seminar Papers: Essays in Semiotic Analysis* 4, ed. by Michael Shapiro. NY: Berghahn Books, 563-87.
- Doleschal, Ursula. 1995. «Genuszuweisung im Russischen. Ein kognitives Assoziationsmodell» in *Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland und Österreich. Wiener Slavistischer Almanach Sonderband 37*, ed. by Uwe Junghanns, 75-96.
- Doleschal, Ursula, forthcoming. «Gender Assignment Revisited» in *Gender in Grammar and Cognition: 1 Approaches to Gender. II Manifestations of Gender (Trends in Linguistics. Studies and Monographs)*, ed. by Barbara Unterbeck and Matti Rissanen. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Doleschal, Ursula, forthcoming. *Genus als grammatische und textlinguistische Kategorie. Eine kognitiv-funktionalistische Untersuchung des Russischen*. Munich: LINGCOM Europa.
- Fratt, Susan. 1992. *A study of animacy in Czech and Russian*. UNC-CH MA Thesis.
- Gorska, Elżbieta, ed. 1993. *Images from the Cognitive Scene*. Kraków: TAIWPN.
- Haberko, Ewa. 1999. *Metaphors in the Language of Press: An Analysis of Selected Polish and English Metaphors Referring to the Zippergate Scandal*. Jagiellonian University of Krakow MA Thesis.
- Haspelmath, Martin. 1997a. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press.
- Haspelmath, Martin. 1997b. *From space to time: Temporal*

adverbials in the world's languages. Munich: Lincom Europa.

Isaakian, I.L. 1999. «Prostranstvennyje predlogi i afremativnyje mity čeloveka» in *Logičeskij analiz jazyka. Obraz čeloveka v kul'ture i jazyke*, ed. by Nina D. Arutjunova. Moscow: Indrik.

Janda, Laura A. 1985. «The Meaning of Russian Verbal Prefixes: Semantics and Grammar», in *The Scope of Slavic Aspects*, (*UCLA Slavic Studies*, vol. 12) ed. by Michael Flier and Alan Timberlake. Columbus, Ohio: Slavica, 26-40.

Janda, Laura A. 1986. *A Semantic Analysis of the Russian Verbal Prefixes ZA-, PĚRE-, DO- and OT-* (= *Slavistische Beiträge*, Band 192). Munich: Otto Sagner.

Janda, Laura A. 1988a. «Pragmatic vs. Semantic Uses of Cases», in *Chicago Linguistic Society 24-1: Papers from the Twenty-Fourth Regional Meeting*, ed. by Diane Brentari et al. Chicago: U of Chicago Press, 189-202.

Janda, Laura A. 1988b. «The Mapping of Elements of Cognitive Space onto Grammatical Relations: An Example from Russian Verbal Prefixation», in *Topics in Cognitive Linguistics*, ed. by Brygida Rudzka-Ostyn. Amsterdam: John Benjamins, 327-343.

Janda, Laura A. 1990. «The Radial Network of a Grammatical Category — Its Genesis and Dynamic Structure» *Cognitive Linguistics* 1, 269-288.

Janda, Laura A. 1993a. «The Shape of the Indirect Object in Central and Eastern Europe», *Slavic and East European Journal* 37, 533-563.

Janda, Laura A. 1993b. «Cognitive linguistics as a continuation of the Jakobsonian tradition: the semantics of Russian and Czech reflexives», in *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists in Bratislava*, ed. by Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Columbus: Slavica, 310-319.

Janda, Laura A. 1993c. *A Geography of Case Semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental* (*Cognitive Linguistics Research*, v. 4). Berlin: Mouton de Gruyter.

Janda, Laura A. 1994. «The spread of athematic 1sg -m in the major West Slavic languages», *Slavic and East European Journal* 38, 90-119.

Janda, Laura A. 1995. «The ordering of events introduced by Czech *až* and *než*», in *Proceedings of LP'94*, ed. by Bohumil Palček. Prague: Charles U. Press, 340-356.

Janda, Laura A. 1996a. *Back from the brink: a study of how relic forms in languages serve as source material for analogical extension* (=

LINCOM Studies in Slavic Linguistics 01). Munich/Newcastle: LINCOM EUROPA.

Janda, Laura A. 1996b. «Figure, ground, and animacy in Slavic declension», *Slavic and East European Journal* 40, 325-355.

Janda, Laura A. 1996c. «Unpacking Markedness», in *Linguistics in the Redwoods: The expansion of a new paradigm in Linguistics*, ed. by Eugene Casad. Berlin: Mouton de Gruyter, 207-233.

Janda, Laura A. 1997a. «Russkie glagol'nye prislavki. Semantika i grammatika (= Translation into Russian of «The Meaning of Russian Verbal Prefixes: Semantics and Grammar»)», in *Glagol'naja prefiksacija v russkom jazyke*, ed. by M. Kronhauz and D. Pajdar. Moscow: Russkie slovari, 49-61.

Janda, Laura A. 1997b. «Implementation of the FIGURE-GROUND distinction in Polish», in *Lexical and syntactic constructions and the construction of meaning* (Current issues in linguistic theory 150), ed. by Keedong Lee, Eve Sweetser, and Margolijn Verspoor. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 149-163.

Janda, Laura A. 1998a. «Linguistic innovation from defunct morphology: Old dual endings in Polish and Russian», in *American Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists*, ed. by Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Bloomington, IN: Slavica, 431-443.

Janda, Laura A. 1998b. «Back matter for a Czech reader», *Czech Language News* 10, pp. 6-9.

Janda, Laura A. 1998c. «Constructing GIVE, HAVE, and TAKE in Slavic», in *The Linguistics of Giving* (= *Typological Studies in Language* 36), ed. by John Newman. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 249-265.

Janda, Laura A. 1999a. «Whence virility? The rise of a new gender distinction in the history of Slavic», in *Slavic gender linguistics*, ed. by Margaret H. Mills. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 201-228.

Janda, Laura A. 1999b. «Categorization and analogical change: The case of athematic 1sg -m in the Slavic languages», in *Contributions in Cognitive Linguistics: Papers Read at the Third International Cognitive Linguistics Conference, Belgium*, ed. by Leon de Stadler. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 75-95.

Janda, Laura A. 1999c. «Percean semiotics and cognitive linguistics: a case study of the Russian genitive», in *The Perce Seminar Papers*, ed. by Michael Shapiro. New York/Oxford: Berghahn Books, 441-466.

- Janda, Laura A. forthcoming. «From number to gender, from dual to vritie: bridging cognitive categories». in *Lexical and grammatical classification: same or different?*, ed. by Yishai Tobin and Ellen Contini-Morava. Amsterdam: John Benjamins.
- Janda, Laura A. forthcoming. «From TORT to TĀRT/TĀRT: Prototype patterning in the spread of Russian N(A)pl -*d*», in a festschrift for Dean Stoddard Worth, ed. by Leon Ferder and John Dingley.
- Janda, Laura A. forthcoming. *The Case Book for Russian: A companion CD-ROM will be co-authored with Steven J. Clancy*.
- Johansen, Goril 1999. *Kak eller instrumentalis? Forholdet mellem kak og instrumentalis i sammenhængninger og prædikativer. En semantisk analyse*. University of Tromsø Cand.philol. thesis.
- Keown, Anne. 1999. *Polite Pronouns in Russian and Czech: Metaphorical Motivations for their Origin and Usage*. UNC-CH MA Thesis.
- Kibrik, Aleksandr E. 1995. «Sovremennaja lingvistika: otkuda i kuda?» *Vestnik MGU. Serija 9. Filologija* 93-103.
- Kibrik, Aleksandr E. 1996. «Svjazannoe upotreblenie leksemny SAM v russkom jazyke (sistemno-kognitivnyj analiz)» in A. A. Gippius, T. M. Nikolaevna, and V. N. Toporov, eds. *Russistika. Slavistika. Indoevropeistika*. Moscow: Indrik, 494-509.
- Kibrik, Aleksandr E. 1999. «Jazykovaja forma kak otrazhenije kognitivnoj struktury (svidetel'stva ajtutor'skogo jazyka)» in *Trudy Meždunarodnogo seminarja Dialog '99 po komp'juternoj lingvistike i ee prilozenijam. Tom 1. Teoreticeskie problemy*. Tarsua, 110-123.
- Kibrik, Aleksandr E. and E. A. Bogdanova. 1995. «SAM kak operator korrekcii ožidaniy adresata» *Voprosy jazykoznanija* 3, 28-47.
- Kibrik, Andrej A. 1997. «Modelirovanie mnogofaktornogo processa: vybor referencial'nogo sredstva v russkom diskurse» *Vestnik MGU. Serija 9. Filologija*, 94-105.
- Kobozeva, Irina M. 1993. «Mysl' i ideja na fone kategorizacii mental'nyx imen» in Nina D. Arutjunova, ed. *Logičeskij analiz jazyka. Mental'nye dejstvija*. Moscow: Nauka, 95-104.
- Kobozeva, Irina M. 1997. «Kak my opisyvaem prostranstvo, kotoroje vidim: kompozicionnyje strategii» in A. S. Narit'jani, ed. *Trudy Meždunarodnogo seminarja Dialog '97 po komp'juternoj lingvistike i ee prilozenijam*. Moscow: Nauka, 132-135.
- Kobozeva, Irina M. 1999. «O kriterijax illokutivnoj samostojatel'nosti častej složnogo predloženija» in *Trudy Meždunarodnogo seminarja Dialog '99 po komp'juternoj lingvistike i ee prilozenijam*. Tarsua, 133-137.

- Kobozeva, Irina M and N. I. Laufer. 1988. «Ob odnom sposobe kosvernogo informirovanija» *Serija literaturny i jazyka* 47, 462-470.
- Komiczna, Magdalena. 1995. *How Can Cognitive Linguistics Account for the Polish Translation of Ogden Nash's Poetry?* Jagiellonian University of Krakow MA Thesis.
- Kopčevskaja, M. N. and Ekaterina V. Rakhilina. 1999. «S samymi tepleymi čuvstvami (po gorjačim sledam Sotkogol'skoj ekspedicii)» in Ekaterina V. Rakhilina and Ja. G. Testelec, eds. *Typologija i teorija jazyka: ot opisanija k ob'jasneniju (k 60-letiju A. E. Kibrika)*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 462-487.
- Košlev, A. D. 1997. «Narečije sečjas (jadro i prototypy)» in Nina D. Arutjunova and T. E. Yanko, eds. *Logičeskij analiz jazyka. Jazyk i vremena*. Moscow: Indrik, 241-252.
- Kravčenko, Natal'ja N. 1998. «Kognitivno-Semantickij analiz glagolov stiel', stojat' i ležat'» *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*, 62-72.
- Kreidlin, Grigori E. 1990. «Nekotorye puti i tipy metafotizacii slov v jazyke» in Nina D. Arutjunova, ed. *Logičeskij analiz jazyka. Toždestvo i podobie, sravnenie i identifikacija*. Moscow: Nauka.
- Kreidlin, Grigori E. 1991. «Metonimickij perenos i uslovija ego realizacii» in Z. Saloni, ed. *Melody formalne w opise jazyków słowiańskich*. Białystok: UW.
- Kreidlin, Grigori E. 1992. «Cet' i prednaznačenie» in Nina D. Arutjunova and N. K. Rjabceva, eds. *Logičeskij analiz jazyka. Modeli dejstvija*. Moscow.
- Kreidlin, Grigori E. 1994a. «Taksonomija, norma, ocenka» V. I. Belikov, E. V. Muravenko, N. V. Percov, eds. *Znak. Sbornik statej po lingvistike, semiotike i poetike*. Moscow: Russkij učebnyj centr, 19-26.
- Kreidlin, Grigori E. 1994b. «Golos, golosovye priznaki i ocenka reči» in Nina D. Arutjunova, ed. *Logičeskij analiz jazyka. Jazyk rečevyx dejstvij*. Moscow: Nauka.
- Kreidlin, Grigori E. 1994c. «Metafora semantickeskix prostranstv i značenie predlogov» *Voprosy jazykoznanija* 3, 19-27.
- Kreidlin, Grigori E. 1996. «Stereotypy vozrastov» *Wiener Slavistischer Almanach* 37.
- Kreidlin, Grigori E. 1997. «Vremja skvoz' prizmu vremennyx predlogov» in Nina D. Arutjunova and T. E. Yanko, eds. *Logičeskij analiz jazyka. Jazyk i vremena*. Moscow: Indrik, 139-151.
- Kreidlin, Grigori E. 1999a. «Golos i ton v kul'ture i jazyke» in Nina D. Arutjunova, ed. *Jazyk o jazyke*. Moscow: Indrik.
- Kreidlin, Grigori E. 1999b. «National'noe i universal'noe v

- semantike žesta» in Nina D. Arutiunova, ed. *Logičeskij analiz estestvennogo jazyka. Obraz celoveka v kulturni jazyke*. Moscow: Indrik.
- Kreidlín, Grigori E. 1999c. «Proksémika i povedenie celoveka v dialogu» in *Trudy Meždunarodnogo seminarja Dialog '99 po komp'juternoj lingvistike i ee prilozženijam*, Tamasa, 144-150.
- Kreidlín, Grigori E. 1999d. «The Russian Body Language and Russian Phraseology: A Comparative Cognitive and Linguistic Analysis» in Valerij D. Solov'ev *Obrazobka teksta i kognitivnye tekhnologii/Text Processing and Cognitive Technologies 3*. Poščino: GUP VTI1, 82-91.
- Kreidlín, Grigori E. 1999e. «Verbalnaja komunikacija v ee sootnošenii s neverbal'noju» in Andrej E. Kibrik, Ekaterina V. Rakhilina, and Ja G. Testelec *Tipologija i teorija jazyka: Ot opisanija k ob'jasneniju. K 60-letiju A. E. Kibrika*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 580-590.
- Krongauz, Maksim A. 1994. «Verbs and prefixes: the grammar of combinability» *Semiotika i informatika* 34, 32-57.
- Krongauz, Maksim A. 1998. *Pristavki i glagoli v russkom jazyke: semantičeskaja grammatika*. Moscow: Jazyki russkoj literatury.
- Kubryjakova, E. S., V. Z. Dem'janov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. 1996. *Kratkij slovar' kognitivnyx terminov*. Moscow: Filologičeskij fakul'tet MGU.
- Kustova Galina I. 1997. «Modeli semantičeskoj derivacii: semantičeskaja paradigma glagolov sposobaj» in A. S. Narin'jan, ed. *Trudy Meždunarodnogo seminarja Dialog '97 po komp'juternoj lingvistike i ee prilozženijam*. Moscow: Nauka.
- Kustova, Galina I. 1999. *Perceptivnyje sobytija: učastniki, nabjudatel'i, lokusy»* in Nina D. Arutiunova and I. B. Levontina, eds. *Logičeskij analiz jazyka. Obraz celoveka v kulturni jazyke*. Moscow: Indrik.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara. 1996. *Depth of Negation - A Cognitive-Semantic Study*. Łódź: Łódź University Press.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara, ed. 1998. *Lexical Semantics, Cognition and Philosophy*. Łódź: Łódź University Press.
- Ljasevskaja, Olga Nikolaeva. 1999. *Nestandardnoe čislovoe povedenie russkix suščestvitel'nyx*. Dissertation abstract. All-Russian Institute for Scientific and Technical Information.
- Ljutičkova, Ekaterina A. 1998. *Intensifikatory i tipologija reflektivaj*. MGU Dissertation Abstract.
- Mitkovska, Lilijana. 1994. «On se constructions in Macedonian», in George Fowler et al., eds. *Indiana Slavic Studies 7*.
- Mitkovska, Lilijana. 1995a. «Za psevdopasivnite konstrukcii so "se" vo Makedonskiot jazik» in L. Minova-Gurkova, et al. eds. *Vior*

- naučeni sobir na mladi makedonisti*. Skopje: Filološki fakultet, Univerzitet Sv. Kiril i Metodij.
- Mitkovska, Lilijana. 1995b. *Ekvivalentite na makedonskite "se" konstrukcii vo angliškiot jazik*. University St. Cyril and Methodius MA Thesis.
- Mitkovska, Lilijana. 1997. «T-Construkcije so predlogot "od" i agensnot predložki objekti vo makedonskoti jazike», in Z. Cvetkovski et al., eds. *Tret naučen sobir na mladi makedonisti*. Skopje: Filološki fakultet Blaže Konecki.
- Mitkovska, Lilijana. 1998a. «The "se" passive in Macedonian compared to the neighbouring Slavic Languages», *Studio linguistica polono-meridiano-slavica* 9.
- Mitkovska, Lilijana. 1998b. «Za dekanzalnite "se" konstrukcii vo makedonskoti jazike», *Makedonski Jazik XLV-XLVn*, Skopje: Institut za makedonski jazik «Krisie Misirkov».
- Nessel, Tore. 1994a. *Russian Stress: Stress as an Inflectional Formative in Russian Noun Paradigms and Bybee's Cognitive Morphology* (=Oslo-studier i språkvitenskap 9), Oslo: Novus Press.
- Nessel, Tore. 1994b. «A feature-based analysis of Russian declension and Cognitive Grammar», in Kjell Rå Hauge et al., eds. *Oslo Contributions to the 13th Meeting of Nordic Slavists* (=Meddelelser fra Slavisk-baltisk avdeling 70), Oslo: Meddelelser, 37-52.
- Nessel, Tore. 1997. «Russian nu-drop Verbs, Radial Categories and Cognitive Grammar» *Nordlyd* 25, 91-97.
- Nessel, Tore. 1998. *Russian Conjugation Revisited. A Cognitive Approach to Aspects of Russian Verb Inflection* (= Tromsø Studies in Linguistics 19). Oslo: Novus Press.
- Nessel, Tore and Hans-Olav Enger. 1999. «The value of Cognitive Grammar in typological studies: the case of Norwegian and Russian passive, middle and reflexive» *Nordic Journal of Linguistics* 1, 27-59.
- Paducheva, Elena V. 1998. «Paradigma reguljarnoj mnogoznačnosti glagolov zvukaj» *Toprovy jazykoznanija* 5, 10-18.
- Paducheva, Elena V. 1999a. «Metonimieskie i metaforieskie perenosy v paradigmne značenij glagola NAZNAČIT'» in Ekaterina V. Rakhilina and Ja G. Testelec, eds. *Tipologija i teorija jazyka: Ot opisanija k ob'jasneniju (k 60-letiju A. E. Kibrika)*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 488-502.
- Paducheva, Elena V. 1999b. *Prostranstvo v običaji vremeni i naborot (k tipologii metonimieskix perenosov)*. MS.
- Pasich, Agnieszka. 1991. *Cognitive Analysis of Space Metaphors in the Language of American and Polish Press*. Jagiellonian University

of Krakow MA Thesis.

Peczalska, Joanna. 1994. *The Diachronic Development of the Radial Category of English ask in Comparison with the Changes in the Meaning of the Corresponding Polish Verbs of Speaking*. Jagiellonian University of Krakow MA Thesis.

Plungian, Vladimir A. 1998. «VREMIA i VREMENA: k voprosu o kategorii čista» in Nina D. Arutjunova and T. E. Yanko, eds. *Logičeskij analizazyka: Jazyk i vremja*. Moscow: Indrik, 158-169.

Plungian, Vladimir A. and Ekaterina V. Rakhilina. 1990. «Sitkonnianty v tolkovanii?» in Z. Satomi, ed. *Metody formale w opise jazyków słowiańskich*. Białystok: UW, 201-210.

Plungian, Vladimir A. and Ekaterina V. Rakhilina. 1993. «BEZUMIE kak leksikografičeskaja problema (k analizu prilagatel'nyx bezumnyj i sumasšedšij)» in Nina D. Arutjunova and N. K. Rjabceva, eds. *Logičeskij analizazyka: Mental'nye dejstvija*. Moscow: Nauka, 120-126.

Plungian, Vladimir A. and Ekaterina V. Rakhilina. 1996. «Tušat-tušat - ne počtat: grammatika odnoj glagol'noj konstrukcii» in V. Zmarzeč, E. V. Petrušina, eds. *Issledovanija po glagolu v slavianstijazykax: Glagol'naja leksika s točki zrenija semantiki, slovoobrazovanija, grammatiki*. Moscow: Filologija, 106-115.

Plungian, Vladimir A. and Ekaterina V. Rakhilina. 1996a. «S čisto russkoj akkuratnošč'ju: k voprosu ob otryženii nekotoryx stereotipov v jazyke» *Moscovskij lingvističeskij žurnal* 2, 340-351.

Plungian, Vladimir A. and Ekaterina V. Rakhilina. 1996b. «Tolišemija služebnyx slov: predlogi čerez i skvoz'» *Rusistika segodnja* 3, 1-17.

Plungian, Vladimir A. and Ekaterina V. Rakhilina. 1998. «Paradoksy valentnoščej» *Semiotika i informatika* 36, 108-119.

Pojakov, Vladimir N. 1999. *K kognitivnoj modeli russkogo glagola*. MS.

Rakhilina, Ekaterina V. 1989a. «K osnovanijam lingvističeskoj mereologii» *Semiotika i informatika* 30, 75-79.

Rakhilina, Ekaterina V. 1989b. «Po povodu "konceptual'nogo analiza" A. Vezhickoj», in R. M. Frumkina, ed. *Jazyk i kognitivnaja dejatel'nost'*. Moscow: IJaz AN SSSR, 46-51.

Rakhilina, Ekaterina V. 1991. «Prilagatel'nye skvoz' prizmu sushčestvitel'nyx i vice versa» *NTI* 2: 9, 26-28.

Rakhilina, Ekaterina V. 1992. «Leksičeskoe značenie i kommunikativnaja struktura» *NTI* 2: 6, 27-30.

Rakhilina, Ekaterina V. 1995a. «Semantika razmera» *Semiotika i*

informatika 34, 58-81.

Rakhilina, Ekaterina V. 1995b. «O četnom i besčetnom» *Rusistika segodnja* 1, 50-69.

Rakhilina, Ekaterina V. 1996a. «Semantika possessivnosti i vopros (o ruskoj lekseme čej)» *NTI* 2: 4, 21-26.

Rakhilina, Ekaterina V. 1996b. «Attributivnye konstrukcii s russkimi prilagatel'nyimi razmera: dva častnyx slučaja», *NTI* 2: 11, 31-35.

Rakhilina, Ekaterina V. 1996c. «Possessivnost' i vopros» in A. V. Bondarko, ed. *Teorija funkcional'noj grammatiki: lokativnost', bytnost', possessivnost', obustovlennost'*. St. Petersburg: Nauka, 27-51.

Rakhilina, Ekaterina V. 1997a. «Okrešlaie vymiarov časti čista v jazyku rosyjskim» in Renata Grzegorzyczkova and Zofja Zaron, eds. *Semantyczna struktura słowictwa i wypowiedzi*. Warsaw: UW, 91-95.

Rakhilina, Ekaterina V. 1997b. «Osnovnye idej kognitivnoj semantiki» in Andrej A. Kibrik et al., eds. *Fundamental'nye napravlenija sovremennoj amerikanskoj lingvистики*. Moscow: MGU, 370-389.

Rakhilina, Ekaterina V. 1997c. «O starom: aspektual'nye xarakteristiki predmetnyx imen» Nina D. Arutjunova and T. E. Yanko, eds. *Logičeskij analizazyka: Jazyk i vremja*. Moscow: Indrik, 201-207.

Rakhilina, Ekaterina V. 1998a. «Kognitivnaja semantika: istorija, personalii, idej, resul'taty» *Semiotika i informatika* 36, 274-323.

Rakhilina, Ekaterina V. 1998b. «V Meždunarodnaja konferencija po kognitivnoj lingvistike (obzor)» *Veprisy jazykoznanij* 5, 121-123.

Rakhilina, Ekaterina V. 1998c. «Semantika russkix pzičionnyx predikatorov: stojat', ležat', sidet' i viset'» *Veprisy jazykoznanij* 6, 69-80.

Rozina, Raissa. 1998. «Meaning Definitions and Grammatical Properties of Predicates: Russian Verbs of Possession» in Hella Olbertz, Kees Hengeveld, and Jesús Sánchez García, eds. *The Structure of the Lexicon in Functional Grammar*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 85-95.

Rozina, Raissa. forthcoming. «Konceptual'nye struktury i jazykovye pravila poroždenija značeni: glagoly divženija vmi» in *Jazyk i Kul'tura. Gumanitarnoe znanie*. Moscow.

Rudzka-Ostyn, Brygida, ed. 1988. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins.

Rudzka-Ostyn, Brygida. 1988. «Semantic Extensions into the Domain of Verbal Communication», in Brygida Rudzka-Ostyn, ed. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 507-553.

Rudzka-Ostyn, Brygida. 1989. «Trototypes, Schemas, and Cross-

- Category Correspondences: The Case of *Askó*. *Linguistics* 27, 613-661.
- Rudzka-Ostyn, Brygida. 1992. «Case Relations in Cognitive Grammar. Some Reflexive Uses of the Polish Dative» *Leuvense Bijdragen* 81, 327-373.
- Rudzka-Ostyn, Brygida. 1993. «Introduction» in R. Geiger and Brygida Rudzka-Ostyn, eds. *Conceptualizations and Mental Processing in Language*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1-20.
- Rudzka-Ostyn, Brygida. 1994. «Metaphor, Schema, Invariance: The Case of Verbs of Answering» in K. Carton, K. Davids and Brygida Rudzka-Ostyn, eds. *Perspectives on English*. Leuven & Paris: Peeters, 408-447.
- Rudzka-Ostyn, Brygida. 1995a. «Metaphor, Schema, Invariance: The Case of Verbs of Answering» in Brygida Rudzka-Ostyn et al., eds. *Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 205-250.
- Rudzka-Ostyn, Brygida. 1995b. «Case and Semantic Roles» in J. Verschueren, J.-O. Ostman and J. Blommaert, eds. *Handbook of Pragmatics. 1995 Installment*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Rudzka-Ostyn, Brygida. 1996. «The Polish Dative» in W. Van Belle & W. Van Langendonck, eds. *The Dative. Descriptive Studies*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 341-394.
- Rudzka-Ostyn, Brygida, Paul Ostyn, and P. Godin. 1991. *Woordkunst*. Brussels: Plantyn-Kluwer.
- Rudzka-Ostyn, Brygida and R. Geiger, eds. 1993. *Conceptualizations and Mental Processing in Language*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Rudzka-Ostyn, Brygida, K. Carton, and K. Davids, eds. 1994. *Perspectives on English*. Leuven & Paris: Peeters.
- Rudzka-Ostyn, Brygida, L. Goossens, P. Pauwels, A.-M. Simon-Vandenbergen and J. Vanparys, eds. 1995. *By Word of Mouth. Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Sell, George. 1994. *A Comparison of Verbal Aspect in Russian and Bulgarian*. UNC-CH PhD Dissertation.
- Slon, Anna. 1999. «A Radial Category of Polish *się*-constructions. Differences in Construal» in Janusz Arabski, ed. *PAISE Papers in Language Studies*. Katowice: Para, 151-166.
- Smith, Michael. 1994. «Agreement and Iconicity in Russian Impersonal Constructions». *Cognitive Linguistics* 5, 5-55.
- Smith, Michael. 1998. «From Instrument to Irealis: Motivating

- Some Grammaticalized Senses of the Russian Instrumental», in Dzwirek, Katarzyna, Herbert Coats, and Cynthia M. Vakarelyska, eds. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Seattle Meeting*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 413-433.
- Sorowka, Anna. 1998. *Iconicity of Emotive Expression. A Contrastive Analysis of Linguistic Material from Katherine Mansfield's Letters and Journals and their Polish Translations*. Jagiellonian University of Kraków MA Thesis.
- Tabakowska, Elżbieta and Brigitte Schultze. 1992. *The Polish Discourse Marker TO in Gombrowicz's «Sib» («The Marriage») and into English, German, French and Czech Translations: Cognitive Linguistics and Poetics of the Theatre Text Mining*. Liber Verlag.
- Tabakowska, Elżbieta. 1993. *Cognitive Linguistics and Poetics of Translation*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Tabakowska, Elżbieta. 1995. *Język i obrazowanie. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego*. Kraków: Polish Akademia Nauk.
- Tabakowska, Elżbieta. 1990. «Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu» *Teksty* 2.3, 97-113.
- Tabakowska, Elżbieta. 1991. «Przekład i obrazowanie» *Arka* 34, 52-61.
- Tabakowska, Elżbieta. 1993a. «Articles in translation - an exercise in cognitive linguistics» in Brygida Rudzka-Ostyn & R. A. Geiger, eds. *Conceptualizations and Mental Processing in Language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 785 - 800.
- Tabakowska, Elżbieta. 1993b. «Image as Grammar: Some linguistic aspects of translating 'The Asian Journal of Thomas Merton'» in E. Górski, ed. *Images from the Cognitive Scene*. Kraków: Universitas, 89 - 100.
- Tabakowska, Elżbieta. 1994. «Prepositions in Translation: up(on) in *Machbeth*» in M. Gibińska and Z. Mazur, eds. *Literature and Language in the Intertextual and Cultural Context. The Volume Dedicated to Professor Irena Kaluza on her 70th Birthday*. Kraków: W. 95-108.
- Tabakowska, Elżbieta. 1995a. «The Concept of Radial Category and Polysemy: A Study of the Polish Lexical Item TO» in W. Smoczyński, ed. *Analecta Indoeuropaea Saffariewicz Dictata*. Kraków: Universitas, 429-441.
- Tabakowska, Elżbieta. 1995b. «Polish translation of English technical terms: Metaphor in the language of computer science» in René Dirven and Jan Vanparys, eds. *Current Approaches to the Lexicon*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 211 - 224.
- Tabakowska, Elżbieta. 1996a. «Językoznawstwo kognitywne w teorii i praktyce przekładu: odcodruk i symfonia na dwa fortepiany» in J.

- Koneczna-wardzikowa and U. Kropiwienc, eds. *Między oryginalnym przekładem I*. Kraków: Universitas, 31-42.
- Tabakowska, Elżbieta. 1996b. «Ścieżki wśród drzew: metafora w tłumaczeniu tekstów językoznawczych» in J. Koneczna-Tardzikowa and M. Filipowicz-Rudek, eds. *Między oryginalnym a przekładem II*. Kraków: Universitas, 295-301.
- Tabakowska, Elżbieta. 1997a. «Conceptualization: conditionals as an instance of figure/ground alignment» in A. Athanasiadou and René Dirven, eds. *On Conditionals Again*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 273 - 288.
- Tabakowska, Elżbieta. 1997b. «Image in translation: a case study of three Polish Hamlets» in B. Smieja and M. Tusch, eds. *Human contact through language and linguistics*. Frankfurt: Peter Lang, 167 -185.
- Tabakowska, Elżbieta. 1997c. «The linguist and the poet: nouns and verbs in a Polish translation of Emily Dickinson's poetry» in Barbara Lewandowska-Tomaszczyk and M. Thelen, eds. *Translation and Meaning. Part 4*. Maastriht: Opleiding Toek-Vertaler, 267 - 282.
- Tabakowska, Elżbieta. 1997d. «Translating a poem, from a linguistic perspective» *Target* 9.1, 25-42.
- Tabakowska, Elżbieta. 1997e. «O tłumaczeniu wiersza: perspektywa językoznawczy» in J. Koneczna-Twardzikowa and M. Stoch, eds. *Między oryginalnym a przekładem III*. Kraków: Universitas, 29-44.
- Tabakowska, Elżbieta. 1998a. «Metaphors we curse by» in A. Athanasiadou and Elżbieta Tabakowska, eds. *Speaking of Emotions: Conceptualization and Expression*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 253-270.
- Tabakowska, Elżbieta. 1998b. «Troflowanie w języku i w tekście - perspektywa językoznawczy, tłumacza i poety» in J. Barmiński and R. Tokarski, eds. *Profilowanie w języku i w tekście*. Lublin: Wyd. Marii Curie-Skłodowskiej, 167-184.
- Tabakowska, Elżbieta. 1998c. *Grammar and Ontology: A Case Study of Polish Religious Discourse* (= LAUD Seria A 436). Essen: LAUD.
- Uryson, Elena V. 1995a. «Fundamental'nye sposobnosti čeloveka i nativnaja "anatomija"» *Toprosy jazykoznanija* 3, 3-16.
- Uryson, Elena V. 1995b. «Slovarnaja stat'ja mestoimenija SAM: problemy opisanija leksičeskoj mnogoznačnosti» in Ju. D. Апресян, ed. *Teoretičeskaja lingvistika i leksikografija: opyty sistemnogo opisanija leksiki*. Moscow: Russkie slovari, 126-140.
- Uryson, Elena V. 1998. «Jazykovaja kartina mira VS. obixodnyje predstavlenija (model' vosprijatija v russkom jazyke)» *Toprosy*

- jazykoznanija* 2, 3-21.
- Uryson, Elena V. 1999. «Dux i duša: k rekonstrukcii arхаичных представлений о чeloveke» in Nina D. Arutjunova, I. B. Levontina, eds. *Logičeskij analiz jazyka. Obraz čeloveka v kul'ture i jazyke*. Moscow: Indrik, 11-25.
- Voroncova, M. I. and Ekaterina V. Rakhilina. 1989. «Predmetnye imena i leksičeskaja tipologija» in V. I. Podlesskaja, ed. *Problemy semantičeskoj i sintaksičeskoj tipologii*. Moscow: Nauka, 10-15.
- Voroncova, M. I. and Ekaterina V. Rakhilina. 1994. «Predmetnye imena i predložnye konstrukcii» in V. I. Belikov, E. V. Muravenko, and N. V. Percov, eds. *Znak. Sbornik statej po lingvistike, semiotike i poetike*. Moscow: Russkij učebnyj centr, 181-190.
- Yakovenko, E. B. 1999. «Serdec, duša, dux v anglijskoj i nemečkoj jazykovyx kartinax mira (Opyt rekonstrukcii konceptov)» in Nina D. Arutjunova, I. B. Levontina, eds. *Logičeskij analiz jazyka. Obraz čeloveka v kul'ture i jazyke*. Moscow: Indrik.
- Yanko, T. E. 1994. «Kognitivnyje strategii v reči kommunikativnaja struktura russkix introduktivnyx predloženij». *Toprosy jazykoznanija* 6, 37-59.
- Zaliznjak, Anna A. 1995. «Opyt modelirovanija semantiki pristavočnyx eglolov v russkom jazyke» *Russian Linguistics* 19, 143-185.
- 9.3 ДРУГИЕ РАБОТЫ, НА ОСНОВЕ КОТОРЫХ НАПИСАНА НАСТОЯЩАЯ СТАТЬЯ
- Blake, Barry J. 1994. *Case*. Cambridge: Cambridge U Press.
- Coleman, Linda and Kay, Paul. 1981. «Prototype semantics: The English verb *lies*» *Language* 57, 26-44.
- Churchland, Patricia. 1986. *Neurophilosophy*. Cambridge: MIT Press.
- Churchland, Paul. 1996. *The engine of reason, the seat of the soul*. Cambridge: MIT Press.
- Churchland, Paul and Patricia Churchland. *Scientific American* (January 1990), reprinted in: Geirsson, Helmir and Michael Losonsky, eds. 1996. *Readings in Language and Mind*. Cambridge, MA: Blackwell, 273-281.
- Gorayska, Barbara. 1993. «Reflections: A Commentary on "Philosophical Implications of Cognitive Semantics"» *Cognitive Linguistics* 4, 47-53.
- Innis, Robert E. 1994. *Consciousness and the Play of Signs*. Bloomington/Indianapolis: Indiana U Press.

- Jakobson, Roman O. 1936. «Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus» *Travaux du Cercle linguistique de Prague* VI, 240-288, reprinted in: Jakobson, Roman O. 1971. *Selected Writings*, Vol. 2. The Hague: Mouton, 23-71.
- Johnson, Mark. 1992. «Philosophical implications of cognitive semantics». *Cognitive Linguistics* 3, 345-366.
- Lakoff, George. 1996. *Moral Politics*. Chicago: U of Chicago Press.
- Lakoff, George and Mark Johnson. 1999. *Philosophy in the Flesh*. New York: Basic Books.
- McLure, Roger. 1993. «On "Philosophical Implications of Cognitive Semantics"» *Cognitive Linguistics* 4, 39-47.
- Searle, John R. 1990. «Is the Brain's Mind a Computer Program?» *Scientific American* (January 1990), reprinted in: Gettison, Heimir and Michael Losonsky, eds. 1996. *Readings in Language and Mind*. Cambridge, MA: Blackwell, 264-273.
- Sinha, Chris. 1993. «Cognitive Semantics and Philosophy: A Reply to Mark Johnson» *Cognitive Linguistics* 4, 53-62.
- Turing, Alan M. 1950. «Computing Machinery and Intelligence», *Mind* 59, reprinted in: Gettison, Heimir and Michael Losonsky, eds. 1996. *Readings in Language and Mind*. Cambridge, MA: Blackwell, 245-264.

Лаура Янцга

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Лекции по когнитивной лингвистике. Выпуск 2

Редактор Соловьев В. Д.

Изд. лпш. № 0227 от 10.03.98.

Под в печ. 11.10.2000. Формат 60x90 1/16.

Гарнитура «Таймс». Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 2,75.

Бумага офсетная. Тираж 50 экз. Заказ 09/87.

Отпечатано в ООО «ДАС». Лицензия № 0118 от 3.04.98.

420008, г. Казань, ул. Университетская, 17

Тел. 64-69-26.